

Недотрога

Автор:

Яна Невинная

Недотрога

Яна Невинная

Он вырвал меня из того идиллического мирка, в котором жила, находя радость в игре на скрипке. Заставил хлебнуть горя, погрузиться в сумрак, потерять стыд и личную свободу. Он хочет, чтобы я исполняла все его желания, расплачиваясь за грехи другого человека – моей матери. Он считает меня последней шлюхой, беспринципной и меркантильной. И мне приходится играть эту роль, перешагивать гордость и терять себя, позволяя мужчине по кличке Суровый чинить надо мной жестокую расправу... Дилогия. Книга первая. Содержит нецензурную брань.

Яна Невинная

Недотрога

Глава 1

Тая

Дорога до СИЗО казалась бесконечной. В очередной раз крепко задумавшись о своей нелегкой судьбе, я перепутала маршруты, заехала не туда, потом долго ждала на остановке следующий автобус, замерзая в тонком, не по погоде пальто.

Да и будь я хоть в теплой шубе, всё равно продрогла бы – промозглый питерский февраль, когда с неба то падают пушистые хлопья, то вдруг сменяются каплейю, превратил город в паутину траншей, заполненных снежной жижей вперемешку с реагентами. Сплошная каша под ногами, а под нею – лед.

Когда же я наконец добралась до нужной улицы, топографический кретинизм сыграл со мной злую шутку. Выйдя на объездную дорогу, ведущую в казенное заведение, долго месила недешевыми замшевыми ботинками грязный талый снег. Это вытянуло из меня остатки моральных сил.

Вроде бы идти было недолго, но создавалось ощущение, что взбираюсь на Эверест. Манящая вершина будто бы приближается, но это иллюзия, и до заветного пика нескончаемый трудный путь.

Не помня себя, я просто шла, как робот, автоматически делая шаг за шагом, пока не оказалась возле бетонного длинного забора с колючей проволокой по верху, заграждающего от простых смертных пристанище криминальных личностей.

По воле судьбы моя мама, совершенно не похожая на преступницу, находилась в этом страшном месте под стражей. Дожидалась суда.

От вида убогих серых стен меня, как обычно, пробрала оторопь. Захотелось сбежать куда-нибудь подальше, согреться в надежных объятиях родного человека, который взял бы на себя все заботы обо мне, несчастной и одинокой.

Вот только такого человека не было. Единственная родственница томилась в сырой камере. Мне нельзя раскисать – умом я это понимала. Но так хотелось пожалеть себя и стать снова той, какой была, – любимой и единственной дочкой, которая ни о чем не думает, кроме как о своей скрипке.

Все невзгоды были мне нипочем, проходили мимо меня, не касаясь. Как будто я забралась на эфемерный пьедестал и оттуда взирала на простых обывателей, копошащихся внизу и варящихся в своих проблемах.

Мама занималась домашним хозяйством, обеспечивала финансовое благополучие, я же легко порхала по жизни – из консерватории домой и обратно, в мир музыки, в котором так просто забыться, не замечая обыденного,

мещанского, которое считаешь ниже своего достоинства.

Помыть посуду или пол? Сходить в магазин или приготовить ужин? На домашнее хозяйство не то чтобы не было времени, я о нем никогда даже не задумывалась, считая естественным, что всем занимается мама. Что живу на готовом и принимаю это как данность.

После тяжелых будней в консерватории и частных уроков у Татьяны Георгиевны мне только и хватало сил, чтобы принять душ, перекусить по-быстрому и упасть в постель с томиком какого-нибудь классика.

А потом оттачивание таланта. Многие часы игры на скрипке. Без этого никак. Музыка была центром моей вселенной. С самого детства и до недавнего времени. Так и протекала жизнь.

Слишком поздно я очнулась, оказавшись в самом центре бури. Одна. Без денег, без связей и друзей. В убогой однушке, оставшейся от отца, которую мы с мамой однажды с легкостью сменили на двухуровневые апартаменты в престижном районе.

Хоромы, купленные маминым любовником, вот уже пять лет обещавшим развестись и съехаться с ней, своей первой любовью еще с института. Жизнь раскидала их по разным городам. Вернее, моя мама уехала вслед за мужем в военный закрытый городок.

Но судьба снова свела вместе прежних влюбленных – мама куковала одна после развода, а Николай Дмитриевич уже глубоко женат на нелюбимой женщине.

Но брак любовника маму не остановил. Она устроилась к нему в строительную компанию финансистом, а потом у них закрутился стремительный роман.

Для меня так и осталось тайной, знала ли мама о том, кто является владельцем компании, случайно ли подала резюме в «Суворов и партнеры» или надеялась поймать бывшего возлюбленного на крючок.

Так или иначе, кольцо на пальце Николая Дмитриевича мою взбалмошную маму не волновало. Она бросилась в омут с головой. Я пыталась удержать ее от

опрометчивых поступков. Хотя бы не принимать дорогие подарки, не переезжать в квартиру, вести себя тише воды ниже травы.

Но потом этот богатый обходительный мужчина купил и меня. Со всеми потрохами.

До встречи с ним мы жили не то чтобы бедно, но и особенно не шикавали. Папа оставил нам квартиру и платил скудные алименты до моего восемнадцатилетия, но четко дал понять, что у него другая семья и нас он знать не желает. По сути, стал чужим человеком, совершенно посторонним, которому до нас нет никакого дела.

Николай Дмитриевич взял на себя роль отца нашего семейства. Мы чувствовали, что стали настоящей семьей. Он разodel нас как кукол, гардеробные ломались от одежды, я даже не успевала снимать бирки.

Купил мне новую скрипку, о которой давно мечтала, дорогушую, немецкую. Поднял маме зарплату до максимально возможного уровня, обеспечил всеми видами благ: курсы в санаториях – у мамы с детства были проблемы с позвоночником, путевки на море, безлимитная страховка для меня и для нее.

Более того, мы забыли, что такое общественный транспорт. На работу и на учебу, а также на мои частные уроки, которые оплачивал Николай Дмитриевич, нас возили водители.

Еду нам часто доставляли на дом, чтобы мама не утруждала себя. Хотя она всё равно готовила, потому что любила домашний уют и верила, что жена должна кормить своего мужа разносолами и всячески ублажать его.

Наверное, именно поэтому у них с Николаем Дмитриевичем сложился такой теплый союз, будто они прожили в браке счастливые двадцать лет.

Видимо, супруга не давала ему подобных ощущений. Он был очень добрым, называл нас своими любимыми девочками, заботился о маме и заменил мне отца.

Не стоило мне влезать во всё это, а маму я обязана была удерживать, чтобы она не встречалась с женатым мужчиной, да еще такого уровня.

Сразу было понятно, что красивой фривольной жизни когда-нибудь придет конец. Что жена Николая Дмитриевича узнает о второй семье мужа и не потерпит измены. Отмстит сопернице и ее дочке.

И это случится в самый неожиданный момент, как раз тогда, когда поверишь – вот оно, истинное счастье, я добился всего, о чем мечтал.

Падать было ох как больно... А расплачиваться еще предстоит.

Тоска по прежней жизни скрутила горло спазмом.

У нас было всё – а теперь ничего. Будущее беспросветно. Как тут не впасть в уныние? Тем более я и раньше отличалась склонностью к меланхолии – такой уж склад характера.

Всегда плачу над тяжелой судьбой вымышленных героев, музыка способна довести меня порой до полного минора, меня никогда не тяготило одиночество, всегда хватало собственного внутреннего мира.

Или мне так казалось. Сейчас, предоставленная самой себе, чувствую себя всеми покинутой и никому не нужной.

Вообще, так и есть. Кому я нужна? Маме необходима моя поддержка. Друзей у меня нет, слишком я была занятая и отрешенная от суеты, чтобы сблизиться с кем-то.

Николай Дмитриевич в тяжелом состоянии, слег с инфарктом. Так случилось, что сердце у него прихватило у нас дома. Мама вызвала скорую. Конечно же, мы обе хотели поехать с ним в больницу. Но я не могла не задуматься о том, что приедет и его настоящая семья – жена и сыновья.

Маме было наплевать, она с ума сходила от беспокойства, ведь Николай Дмитриевич никогда не жаловался на сердце, не злоупотреблял алкоголем, вел здоровый образ жизни.

Она совершенно растерялась и не понимала, что происходит. Ей было необходимо лично убедиться, что любимый человек выживет. Поговорить с врачом, разместить Николая Дмитриевича в палате.

Но я уговорила ее быть благоразумной и остаться дома. Поехала одна, вызвав огонь на себя и совершив тем самым роковую ошибку... Не знаю, чем я думала. Наверное, в недобрый час все умные мысли покинули меня.

Сцена, что произошла в коридоре обычной городской больницы, по трагизму и экспрессии превзошла все мои страхи. Мои давние страхи перед моментом, когда факт об измене Николая Дмитриевича и наличии в его жизни второй семьи раскроется.

Тогда я впервые познакомилась не только с супругой отчима, но и с его младшим сыном. Наталья Сергеевна оказалась представительной молодящейся блондинкой. Безупречной и строгой.

Наверное, она приехала с какого-то приема, поскольку платиновые волосы до плеч были искусно уложены, на шее и в ушах сверкали бриллианты, а по полу струилось шелковое платье глубокого синего цвета с громоздким аксессуаром – наброшенной на плечи шкурой какого-то белого пушистого зверя, наверное песца.

Мне почему-то запомнилась его мертвая морда, вклинились в память прорези глаз. Живо представилось, как меня, как и несчастного зверька, потрошит эта злая женщина с полным ярости взглядом.

Почему-то в особенно волнительные, важные моменты запоминаются бесполезные дурацкие мелочи и лезут в голову глупые мысли.

Наталья Сергеевна – ее имя я узнала из паспорта Николая Дмитриевича в день приступа – скандалила, требуя перевезти мужа в элитную частную клинику, бранилась по телефону с каким-то знакомым врачом, а потом, не получив желаемого, так как отчима уже повезли в операционную, излила свой праведный гнев на меня.

Естественно, она давно знала о нашем с мамой существовании. По какому-то тайному договору она позволяла супругу иметь вторую семью, но сейчас это

соглашение, по всей видимости, стало недействительным.

Она пообещала, что уничтожит нас обоих, поклялась в этом собственным сыном, стоящим за ней холодной каменной глыбой и пронзающим меня, почему-то именно меня откровенно убийственным взглядом.

Слишком поздно я догадалась, что они с матерью неправильно всё поняли. Посчитали, что любовница – я. Почему, до сих пор не знаю. Наверное, решили, что мужчина не станет покупать квартиру возрастной любовнице, а молодой девушке мир положит к ногам.

Свое грозное обещание Наталья Сергеевна исполнила. Как только жизнь супруга оказалась вне опасности, она цепко, с железной хваткой взялась за дело. Маму не уволили, как она ожидала, а обвинили в финансовых махинациях и бросили за решетку. Подставили, попросту говоря.

Меня же выкинули из элитной квартиры, сменив замки. Я осталась на улице в чем была, вернувшись вечером из консерватории, – в холодном осеннем пальто, длинном платье и замшевых сапогах на высоком каблуке. Все мои вещи оказались вне досягаемости. Хорошо хоть паспорт я носила с собой в сумочке.

Я не тешила себя надеждой, что удастся разжалобить Наталью Сергеевну и выпросить у нее хоть что-то, и поплелась в старенькую квартирку, которую мы, к счастью, никому не сдавали. У соседки были запасные ключи, поэтому не пришлось бомжевать. И на том спасибо.

Но до чего безрадостная ничтожная жизнь началась у меня с той минуты... Посреди старых вещей, которые, по идее, должны были напомнить мне о счастливом детстве, я ощущала себя чужеродным элементом.

Слишком привыкла к беззаботной богатой жизни, хоть и обещала себе не привыкать. Ни приготовить не умела, ни позаботиться о самых элементарных вещах не могла.

В те несколько дней я пережила и беспросветное отчаяние, и осознание полной беспомощности, и в итоге поняла, какая же я никчемная, не приспособленная к быту личность. Только то, что нужно заботиться о маме, носить ей передачи и лекарства, кое-как держало на плаву.

Бросив короткий взгляд в мутное небо, будто ища в бескрайней равнодушной пустоте ответы на свои неисчисляемые вопросы, я быстрым шагом направилась к воротам СИЗО.

– Я к Людмиле Вознесенской, – сообщила я охраннику, и меня пропустили на свидание.

Глава 2

Тая

Только бы не заплакать, не начать жаловаться маме, только бы сдержаться. Уж ей явно сложнее, чем мне. С каждым днем она всё сильнее худела, становясь похожей на тень самой себя, той прежней ухоженной красивой женщины средних лет, лицо которой с большими карими глазами всегда лучилось улыбкой.

Я стала замечать морщины и скорбные носогубные складки, солнце исчезло из маминого взгляда. Удивляться не стоило, но всё равно я каждый раз ощущала ее появление в комнате свиданий так, словно кто-то невидимый дает мне грубую пощечину.

Мама безропотно принимала те жалкие продукты, не требующие приготовления, которые я приносила. Я пыталась сварганить что-то приличное, но ничего толком не получалось.

Всё пригорало и на вкус напоминало помои. Наверное, даже в тюрьме готовили лучше. Я прекрасно отдавала себе отчет в том, что провалилась на поприще кулинарии.

Да и на многих других. Бесполезная, никому не нужная недотрога.

Не успела я оказаться напротив мамы на хлипком скрипящем стульчике в окружении заключенных и их родственников, как она вцепилась мне в запястье

неожиданно холодной рукой и начала свою привычную песню:

– Дочь, ты подумала? Подумала?

Сегодня мама была особенно настойчива, в голосе сквозило отчаяние, лицо казалось заплаканным и еще больше осунувшимся. Я знала, о чем она просит, но не собиралась претворять в жизнь ее безумный план. Поборов желание вырвать руку из стального захвата, размеренно проговорила:

– Мама, я не буду этого делать.

– Конечно! Ты не будешь этого делать! – с горечью выплюнула мама. – Ты же только о себе думаешь, нет чтобы матери родной помочь!

– Мама, зачем ты так? Просто это чересчур. Как ты не понимаешь?

– А что, Тая? Убудет с тебя? Что ты носишься со своей целкой?

– Мама...

Ошалевшими глазами я смотрела на маму, пытаюсь осознать то, что она сейчас сказала. То, с какой злостью были произнесены грубые слова. Она никогда так не выражалась. Мне и в голову не приходило, что ее планы зашли настолько далеко. Она предлагала пойти к сыну Николая Дмитриевича, младшему, неженатому, и попросить его хотя бы отдать наши вещи.

Теперь с какого-то перепугу намекает, чтобы я выкупила имущество своей девственностью! Будто это некая великая драгоценность, которую можно предложить молодому богатому парню, не знающему недостатка ни в чем! Мозг был не в состоянии охватить масштабы ее замысла и отказывался работать.

– Ну? Что ты молчишь, Тая? Что – мама? Я тебе двадцать один год как мама. Заботилась о тебе, холила, лелеяла, пылинки сдувала, а ты ради меня не можешь постараться. Ты красивая девка, но всё это, – она обвела взглядом мое лицо, фигуру, – всё это пропадает без дела. Могла бы давно себе богача найти, купил бы тебе тачку, квартиру, всем обеспечил. Сама-то ни на что заработать не сможешь, ничего не умеешь. Безрукая совсем. Говорила всегда: выбери

нормальную профессию! Нет, старой мымре, свекрухе, понадобилось из тебя такую же интеллигентку слепить, какой и сама была. Я сразу сказала, что музыка в жизни не пригодится, тем более скрипка. Ну что это за блажь? – Скривившись, мама продолжала поносить свою покойную свекровь, которая с детства привила мне любовь к музыке. – Но кто бы меня слушал? Уперлись рогом вместе с Гошей. И что в итоге? Сколько тебе еще учиться? Да даже если выучишься, что дальше? Что, спрашиваю? Много на концертах заработаешь? А мамка не скоро выйдет на свободу, чтобы доченьке сопли подтирать. Тебе сейчас деньги нужны! Мои счета опечатаны, у тебя копейки остались. Дура я, не подумала на твой счет что-то существенное перевести. Жила одним днем. Теперь сидишь с шишом в кармане, голодаешь, выглядишь как бродяжка какая. Не дай бог, на панель пойти придется. А если попадешь в квартиру, сможешь вещи продать и какое-то время продержаться, да и мне нормального адвоката нанять.

Каждое мамино слово отзывалось во мне болезненным уколом. Всегда такая добрая и заботливая, она изменилась буквально за неделю и стала укорять меня во всех грехах. Конечно, можно было обвинить ее в ответ и сказать, что она сама поспособствовала сложившемуся положению вещей.

Кто, как не родитель, должен воспитывать своего ребенка так, чтобы тот помогал по дому, был самостоятельным и приспособленным к жизни в обществе?

Меня же, сколько себя помню, выгоняли из кухни, не позволяли помогать, я постоянно должна была заниматься игрой на скрипке. По много часов в день. А также учиться, гулять, играть и полноценно отдыхать.

«Успеешь еще побыть взрослой», – всегда приговаривала мама, но так и не передала мне свой опыт и житейские премудрости. Но, естественно, я не могла винить в этом исключительно ее, здесь имелась доля и моей вины.

Я так и не научилась быть взрослой. Инициативы ни в чем не проявляла. И сейчас беспомощно пыталась понять, что же ответить маме, как убедить ее в своей правоте, как найти нужные доводы.

– Мамочка, дело вовсе не в том, что я боюсь потерять... потерять... – Так и не сумев облечь в достойную форму мамину грубую фразу, попробовала зайти с другой стороны: – Почему ты думаешь, что сын Николая Дмитриевича станет со

мной разговаривать? Он и на порог не пустит, слова не даст сказать, скорее всего. Ты бы видела, как они с матерью смотрели на меня в больнице.

Молчу о том, как Максим Суворов подошел ко мне, застав одну в коридоре, схватил за предплечья и тряс, как жалкого котенка, цедя отвратительные оскорбления в лицо. Оторопев от неожиданности и жутко испугавшись, я не сумела разубедить его в предположениях, что я, а не мама, состою в любовной связи с его отцом.

Он тогда обвинил меня в том, что я похотливая шлюха, дешевая подстилка, доведшая отца до сердечного приступа своими выкрутасами в постели. Знал бы он, что высказывал всё это невинной девушке... Невозможно представить, что такой злобный человек пойдет на мировую.

– А ты найди способ пробиться к нему. У него вон клуб какой-то пафосный во владении. Или открывается. Приди туда, застань его на рабочем месте, а не ломись в квартиру. Пошевели мозгами для разнообразия.

Клуб? Взять и пойти в клуб? Такая мысль не приходила мне на ум.

– Я могу, конечно, попробовать, но вряд ли что-то получится, – наконец сдалась я, поняв, что с мамой бесполезно спорить. Да и говорить не хотелось. Высказанные мне в лицо правдивые обвинения грызли душу.

– Вот и правильно, вот и умница, – кивнула мама, заправляя мне за ухо прядь волос. – Только оденься получше, придумай что-нибудь. Не надо туда идти в твоих привычных балахонах. Сейчас так девочки не одеваются модные.

– Я никогда не гналась за модой, мама. Ты же знаешь.

– Но и ходить в концертных платьях в обычной жизни – та еще глупость! Как монашка, ей-богу!

– Они не концертные, я просто люблю строгие закрытые и длинные платья.

– Что ты прячешь? Фигурка у тебя что надо. А еще подумай, может, лохмы свои обрежешь? А то уже пол ими подметаешь. Вдруг мальчику не нравятся длинные

волосы.

«А вдруг он любит лысых с тату? Мне, что ли, переродиться, чтобы ему угодить?» – со злостью подумала я, невольно вцепившись руками в толстую косу, которую с великим трудом заплела сегодня.

Вымытые просроченным дешевым шампунем, найденным в старой квартире, волосы превратились в мочалку. Того и гляди, действительно придется обрезать.

Покраснев, я решительно сменила тему:

– Мама, что принести тебе завтра? Как ты тут? Никто не обижает?

– Нормально всё, нечего сюда каждый день таскаться. Пользы от этого никакой. Хочу, чтобы ты все силы отдала тому, чтобы вернуть нашу прежнюю жизнь. Ты мне только позвони, скажи, как Николаша. Сердце кровью обливается, что не знаю ничего об его состоянии... Сил нет этого терпеть. Извелась вся.

– Мамочка, я звонила в больницу, куда его перевели, – я сжала мамину руку и погладила по щеке, по которой уже катились слезы. Сердце дрогнуло от сострадания. Как же она мучается неведением. – Мне не дали информации, ее предоставляют только родственникам. Но я думаю, мы бы узнали, если бы... прочитали бы в новостях. Все-таки Николай Дмитриевич – не последний в городе человек.

– Наверное, ты права, – со вздохом признала мама. – Но ты, как узнаешь у Максима, позвони мне. А сама не приезжай, слишком далеко мотаться. И давай-ка на такси домой езжай, вся насквозь продрогла. Приедешь, ноги в тазике согрей, чаю завари горячего. У тебя чай-то есть? Если нет, попроси у бабы Тони. В магазин сама не ходи уже. Поняла? Давай дуй домой, несмысленыш. Не пропаду я тут, зря болото не разводи.

От этого «несмысленыш» слезы навернулись на глаза. Так мама называла меня в детстве. Короткие визиты к ней помогали не скатиться в пропасть отчаяния. А теперь я буду совсем одна. Понимая ее доводы, я всё равно чувствовала себя обиженной и отвергнутой.

– Мама, а как же ты? – спросила я с мольбой, на самом деле имея в виду: «А как же я без тебя?»

– А что я? Не так страшен черт, как его малюют. – Мама пожала плечами, невесело улыбнулась, стала чуть больше похожа на прежнюю себя. – Помогла главной надзирательнице оформить финансовые документы, так она меня по состоянию здоровья перевела в лазарет. Капельницы, уколы, витамины... Лежу себе, книжки читаю. Как в санатории. Ладно, пока, Таечка.

Тепло попрощавшись, мы обе не сговариваясь залились слезами. Крепко держась за маму, я боялась расцепить объятия и выйти наружу на холод. Согласившись вызвать такси, я, конечно же, не собиралась выполнять обещание.

Куда мне торопиться? Сегодня пятница, впереди безрадостные выходные. На учебу не надо, на частные уроки тоже. Если уж разболеюсь, будет возможность поваляться в постели и напичкать себя лекарствами.

Лучше я в аптеку зайду и куплю что-то от простуды, чем потрачу деньги на комфортную поездку. Слишком это будет больно, напомним о прошлой жизни, куда нет возврата.

Конечно, теплилась надежда, что Николай Дмитриевич выздоровеет, вернется, спасет маму, вытащит меня из убогой квартирки и снова сделает своей принцессой, но грезы имеют особенность разлетаться на маленькие острые осколки и больно ранить того, кто осмелится мечтать.

Поэтому я старательно отодвигала за край сознания любые мысли о отчине. Надо полагаться только на саму себя.

Бредя по сумрачной улице, настолько задумалась, что не заметила, как за мной черной тенью движется дорогое авто с наглухо затонированными стеклами. Сначала подумала – померещилось и оно медленно едет вовсе не за мной, но стоило ускорить шаг, как черная акулopodobная машина заурчала громче.

Сглотнув комок страха, я отошла подальше от края дороги, хотя деваться мне, собственно, было некуда. Помощи ждать не приходилось. Казалось, что в этом мире существуем только мы – одинокая окоченевшая путница и преследующая ее подозрительная машина.

Осознав, что мне никуда не сбежать, я всё же сделала необоснованную и глупую попытку избавиться от преследования, дернувшись куда-то в куцые низкие кусты.

Это было ошибкой. Позади себя я услышала звук открываемой двери и чавкающие шаги по снежной каше. Кто-то гнался за мной, наверняка желая сцапать легкую добычу и увезти куда-то, чтобы... Конечно, я понимала, что незнакомец хочет со мной сделать. Зачем еще гнаться через кусты за молодой девушкой, кроме как не для своих похотливых целей?

Сердце бухало так громко, что этот шум оглушал меня, ветер свистел в ушах, из глаз брызнули слезы. Зацепившись за какую-то корягу, я вскрикнула и, подвернув ногу, со всего маху завалилась в грязный снег. Мужчина, следующий за мной, мгновенно настиг меня и остановился, тяжело дыша.

– Идиотка, куда ты побежала? – проговорил он грубо, наклоняясь и переворачивая меня лицом к себе.

В свете тусклого фонаря я увидела перед собой перекошенное злобой знакомое лицо. Максим Суворов собственной персоной подхватил меня за предплечья и рванул к себе, будто я ничего не весила.

Ощутимо пахнуло ароматом дорогого парфюма с легкими древесными нотами вперемешку с цитрусовыми, но никакого облегчения оттого, что передо мной не незнакомый бандит, а сын Николая Дмитриевича, я не почувствовала.

Наоборот, меня затрясло так, словно попала в лапы жуткого монстра, желающего сожрать слабую жертву своей охоты.

Глава 3

Тая

Совершенно не понимая, как он тут оказался, что от меня хочет и почему молчит, странным взглядом рассматривая мое лицо, я тоже не открывала рта. Да и что бы я ему сказала?

«О, как хорошо, что вы попались мне на дороге, Максим Николаевич! Какая счастливая случайность! Ведь я как раз собиралась найти вас. Хотя у меня даже нет интернета, чтобы отыскать адрес вашего клуба, будто я какая-то древность, а не современный человек.

В общем, очень здорово, что вы нашли меня на этой темной дороге. Не хотите ли посадить к себе в вашу шикарную машину? А то так есть хочется, что и переночевать негде. Другими словами, не заинтересует ли вас предложение получить девственность той, которую вы ненавидите, считая любовницей отца? И не облегчите ли вы потом жизнь ей и ее маме, отдав ключи от квартиры, где ценные вещи лежат?»

Проговорив мысленно эту белиберду, я не сдержалась, расхохотавшись истерическим смехом. Вкупе с непрекращающимся плачем, уверена, это выглядело безумно.

Максим нахмурился, сжав сильнее мои предплечья и тряхнув для верности. Что за дурная привычка трясти меня? Он так со всеми девушками обращается? Наверное, поэтому такой злобный и хмурый, словно ему шлея под хвост попала.

– Пре-кра-ти, – процедил он сквозь зубы, одаривая меня мрачным взглядом с проскальзывающим в нем презрением.

И я попыталась. Правда. Но от испуга выдавала совершенно дикие произвольные реакции и продолжала посмеиваться.

– Дура. Ты сбрендила? – спросил он с беспокойством. Но не с таким, будто заботится обо мне, а словно я доставляю ему лишние проблемы своим поведением. Интересно, чего он ожидал?

Ответила честно:

– Не знаю.

А он отпустил мои многострадальные предплечья, на которых наверняка оставил синяки, схватил меня за руку и потащил к машине. Но я словно вросла каблуками в землю, не желая позволять ему делать что заблагорассудится. По какому праву он так со мной обращается?

– Куда вы меня тащите?

Развернувшись ко мне, но не выпустив ладонь из своей горячей руки, Максим приподнял бровь, издевательски улыбнувшись:

– Смотрите, какая интеллигентность. Вы. Отцу тоже так в постели говорила? Скажи, его это заводило?

Задохнувшись от оскорбления, я вырвала руку и потопала в обратном от этого хама направлении. Не желаю слушать, как он выплескивает на меня свой яд!

– Прекрати уходить от меня! – приказал грозный голос, но я продолжала демонстративно удаляться в неизвестном мне направлении, прямо в темень. Глупо, но я ни о чем не думала. Лишь бы оказаться подальше от этого мерзавца.

Хотя, если честно, снедало любопытство, зачем он нашел меня. Неужто только ради того, чтобы повторить ровно то же самое, что говорил в больнице? Неожиданно я повернулась и бездумно спросила:

– А как Николай Дмитриевич?

Понимая, что это единственный шанс выяснить что-то о самочувствии близкого человека, ради мамы я поступилась своей гордостью, хотя знала, что на меня выльется новый ушат грязи и оскорблений.

– Не твоего ума дела, – процедил Максим.

Что ж, другого я не ожидала. Но, полагаю, в случае кончины отца Максим явно не шатался бы на окраине города, охотясь за его любовницей. С другой стороны, не хочет ли он отомстить ей и прикопать где-нибудь по-тихому?

А я как раз удалялась от оживленных мест, предоставляя ему самую лучшую возможность скрыть преступление. Снова захотелось рвануть в кусты, но я вдруг осознала, что убегать бесполезно. Он всё равно догонит.

Прищурившись, я оглядела человека, так похожего на Николая Дмитриевича. Дорого одетый, статный красавец-брюнет с пронзительными голубыми глазами, мужественный, широкоплечий, пышущий энергией и агрессией. Кто я такая, чтобы ему противостоять?

– Что вам... тебе нужно от меня?

– Наконец-то, – вздохнул Максим, скрещивая на груди руки. – Наконец-то ты проявила благоразумие. Есть деловое предложение.

– Дел... ло... в-вое? – заикаясь, пролепетала я, уставившись на вмиг успокоившегося Максима. Хотя его спокойствие не казалось умиротворяющим, скорее, он напоминал хищника в засаде, притаившегося перед смертоносным прыжком.

– Да, и контракт составим. Только давай обсудим подробности в нормальном месте? Не здесь.

Пренебрежительно скривившись, Максим засунул руки в карманы строгого пальто и поежился. Наверное, мы представляли странную картину. Стоим на обочине дороги в кустах на морозе, вместо того чтобы сидеть в теплом салоне авто.

Вот только я не собиралась сдаваться. Мне претило идти на поводу у этого богатого хлыща, возомнившего себя пупом земли. Да что он мне может предложить? Какую я представляю ценность для него? Разумом я понимала, что сейчас появилась возможность выполнить мамину просьбу.

Всего-то и надо, что согласиться и сесть в машину, выслушать Максима, а там – как получится. Он сам пришел ко мне, не понадобилось даже искать. Но я почему-то упорно сопротивлялась, цепляясь за нечто непонятное и эфемерное. Может, за свою глупую гордость? За свои принципы?

Сесть ночью в машину к незнакомцу, да еще и с явно не благими намерениями? Не проще ли сразу на панель? Обхватив себя руками, я нервно кусала нижнюю губу, обветренную морозом. И наверняка совершенно асексуальную.

А вдруг и правда деловое предложение? Кому я нужна для чего-то иного? Неопытная скучная девственница в сером балахонистом пальто. Хотя Максим считает меня роковой обольстительницей... Запутавшись в своих мыслях, смело взглянула на стоящего передо мной мужчину.

– Нет, поговорим здесь, – упрямо заявила я, уж слишком опасным казался мне Максим.

– Что за бред? – ошутимо разозлился он, передернув плечами. – Хочешь замерзнуть насмерть? Лично мне надоело стоять на холоде. А ты почти превратилась в ледышку.

– А тебе-то что? – огрызнулась я в ответ. – Езжай, куда ехал.

– Короче, по-хорошему ты не хочешь, – заключил Максим, и мне показалось, что я услышала скрип зубов. Инстинктивно попятившись, я шагнула на ту ногу, которую подвернула, и боль прострелила меня вдоль всего тела. Тихо ойкнув, я не смогла скрыть своей реакции, и Максим это заметил.

– Еще и ногу повредила.

А потом подошел и молча подхватил меня на руки, прекратив церемонии и расшаркивания, которые я бы точно затянула на всю ночь. Вцепившись ему в плечи, я старалась отодвинуться подальше, но сопротивление было сломлено на корню.

Тогда я прекратила дышать, чтобы не втягивать носом одурманивающий аромат тела, прижатого к моему насильно. Почему-то он воздействовал на меня таким образом, что хотелось совершать бессмысленные опрометчивые поступки.

К примеру, погладить видневшийся кусочек загорелой кожи, робко скользнуть по нему языком, попробовать на вкус и прижаться губами. Провести ладонью по отросшей щетине и узнать, такая ли она колючая, какой кажется на вид.

Личным желанием я отсекала от своей жизни мужчин и не знала, как они пахнут, как проявляют себя в любви, не знала, как с ними себя вести.

Никакого опыта не было. Как и никаких шансов бороться с эмоциями, охватившими в тот момент, когда Максим Суворов заключил меня в свои объятия.

Меж тем он усадил мое безвольное тело на переднее пассажирское сиденье, предусмотрительно пристегнув ремнем безопасности. Осмотревшись в дорогом солидном салоне, я едва сдержалась от желания погладить роскошную бежевую кожу обивки и руль, которого каждый день касаются жесткие пальцы Максима. Только не хватают его с силой, как меня, а бережно гладят.

И действительно, оказалось достаточно невесомого касания одной руки Суворова, чтобы пустить эту послушную его воле малышку по грязной серой дороге. Она заскользила бесшумно, унося меня в неизвестность.

Против воли я залюбовалась классическим профилем Максима, его сильными руками, сжимающими руль. Несправедливо, что природа наградила первостатейного мерзавца красивым лицом и фигурой. Я немного знала о сыновьях Николая Дмитриевича. Только то, что старший, Роман, счастливо женат и имеет уже двоих детей, являясь правой рукой отца в их семейном строительном бизнесе.

Максим же, получив юридическое образование, не пошел по стопам отца и брата, а занимается какими-то скандальными проектами. Закрытые клубы, раскрутка молодых музыкальных дарований, школа моделей. Ничего серьезного и надежного, как считал Николай Дмитриевич, не поддерживая сына и вступая с ним в конфронтацию.

У меня сложилось впечатление, что он человек со вздорным, непримиримым характером, любитель играть на нервах, бабник и хам. Жуткие истории о сыне Николай Дмитриевич доверительно шептал матери на ухо, и я видела ее расширенные от ужаса глаза. Жаль, что тогда я не выяснила правду. Не любила сплетни и не хотела ничего слышать о семье отчима.

А теперь таинственность Максима пугала до дрожи. Я совершенно не знала, на что он способен и что хочет мне предложить.

– Так что же? – нетерпеливо разорвала я гнетущую тишину, голос срывался, отчего я смутилась и покраснела.

– Ты, может, слышала про мой бизнес? – спросил Максим, не сводя взгляда с дороги. – Открываем с партнерами новый закрытый клуб под Питером. Для избранных. Сейчас разрабатываем программу, чтобы никто из посетителей не скучал. Это будет престижное место, поэтому нужен высший класс во всем. В том числе в музыке. Я знаю, что ты пиликаешь на скрипке. Хочу предложить тебе работу.

– Мне? Работу? Но зачем? Ты не похож на альтруиста, – скептически посмотрев на Максима, я искренне удивилась, а еще внутренне поморщилась от пренебрежительного «пиликаешь». Непосвященные обыватели – что с них взять...

– Ну, скажем так, маман разбушевалась не на шутку, берегов не видит. Твою мать я уважаю, она ни за что пострадала. Отдувается за свою доченьку в СИЗО. Сам я ей помочь не могу – мать прознает и жизни не даст, а если ты заработаешь деньги и наймешь нормального адвоката, вытащим Людмилу.

Оторопь охватила всё мое тело. Видимо, Максим продолжает заблуждаться и думать, что это я – любовница его отца, а маму, которую он, скорее всего, знает давно и встречал в офисе у отца, считает невинно пострадавшей. Мысли закрутились с бешеной скоростью. Появился шанс вытащить маму. Может, Максим не такой уж и негодяй, раз хочет помочь ей?

Конечно, он бы мог дать деньги просто так, но, наверное, не способен отказаться от искушения использовать меня в каких-то грязных делишках. Не верила я ему. Слишком подозрительная доброта не вязалась с ненавистью, плескавшейся в его глазах цвета штормового неба. С ненавистью, что вылилась на меня в тот день в больнице.

– Сколько мне придется работать, чтобы получить нужную сумму? – спросила я осторожно, тем самым признавая, что готова принять предложение и ничего не смыслю в гонорарах адвокатов.

Стрельнув в меня цепким взглядом, Максим неопределенно ухмыльнулся.

– Даже не спросишь, что за работа?

– Ты, кажется, упомянул скрипку. Мне придется обеспечивать живую музыку во время вечеринок?

– О нет, красавица, ты недостойна того, чтобы служить фоном, – с мрачной улыбкой протянул Максим.

– Но как же тогда?

Я откровенно испугалась и не могла скрыть эмоции.

– Да не трясись ты так. У меня есть задумка конкретно для тебя. Представь себе: темная сцена с роскошным стулом посередине, вдруг прожектор падает на него, высвечивая красным женскую фигуру – тебя со скрипкой в руках. И ты играешь. Но не в стиле Ванессы Мэй или Линдси Стирлинг, не нужно скакать по сцене. У тебя своя задача. Очаровать зрителей, чтобы они молча слушали и не могли оторвать от тебя взгляда.

А он и правда поглощен этой идеей, поняла я. Даже знает известных скрипачек, прославившихся виртуозной игрой на скрипке, далекой от классической музыки, ближе к жанрам техно и рок. Как он надеется привлечь к такой скромнице, как я, современную публику?

С сомнением покачав головой, я спросила его об этом напрямую.

– Само собой, музыка как таковая вряд ли заинтересует искушенного зрителя, – был его ответ. – Но если скрипачка притягивает к себе взор, то какая разница, что и как она играет?

– Как я должна, по-твоему, притягивать взор?

– А ты еще не поняла?

– Я не люблю разгадывать загадки.

– Об этом ты узнаешь из контракта.

– Но почему не сейчас?

– Потому что я так сказал.

– А не катиться бы тебе ле... – начала я, но вдруг поняла, что Максим привез меня к дому. – Ты знаешь мой адрес? Что еще тебе известно?

Спрашивала я не из простого любопытства. Скорее из страха. Если он выяснит, проникая всё глубже в мою жизнь, что я не имела связи с его отцом, что будет? Он ни в коем случае не должен узнать правду! Пусть лучше считает шлюхой меня, а не маму, а ее вытащит из тюрьмы. А потом мы уедем, чтобы ни он, ни его мстительная мамаша не смогли нас найти.

– А тебе есть что скрывать, птенчик? Чего ты боишься? Люди поспрашивали о тебе у местной публики – я же должен знать, кого нанимаю на работу.

– Я еще не соглашалась и не видела контракт.

– Скажи мне свой ящик, пришлю тебе сегодня или завтра.

– Э-э-э... – замешкалась я, со стыдом признавая: – У меня нет интернета. Могу я увидеть контракт на бумаге?

Не удостоив меня ответом, Максим опять неопределенно ухмыльнулся и рванул с места, выезжая со двора на проезжую часть.

– Зачем ты меня увозишь от дома? Куда мы едем?

– В мой офис. Подождешь, пока я распечатаю и отдам тебе контракт. Паспортные данные уже вписаны. Тебе останется только подписать.

Максим

Вознесенская Таисия Георгиевна. Стиснув в руках айфон со снимком разворота ее паспорта, сверял данные с графами контракта. Он почти не отличался от других, заключенных с работниками клуба.

Кроме пары деталей, которые Таисия вряд ли заметит. А когда заметит, будет уже поздно. С усмешкой нажал на кнопку печати и посмотрел в проем двери.

Обозначенная персона спала в соседней комнате, простуженная и полумертвая от усталости. Снова взгляделся в черты серьезного красивого лица на фотографии. С него на меня смотрела девушка-ангел с широко распахнутыми карими глазами. Вживую они еще более насыщенного цвета, прямо-таки растопленный горячий шоколад.

Губы бантиком, пухлые в меру, такие естественные и влажные, аккуратный нос, белоснежная кожа, точеная лебединая шея и длинные-длинные волосы. Густые, темные с рыжими переливами. Эдакая русская красавица.

Сказочный персонаж. Невинный олененок Бэмби, не подозревающий, что на него ведет охоту страшный серый волк.

Черт меня подери! Как я могу любоваться ею?

Под красивой оболочкой прячется гниль. Таисия Вознесенская вовсе не невинна. Это у нее образ такой. Продуманная тварь умело использует свою внешность, чтобы цеплять богатых мужиков и раскручивать их на деньги. А потом, когда один любовник надоест, она меняет его на другого.

А что делает со старым? Как от него избавляется? Что эта дрянь сделала с отцом и как довела до инфаркта?

Никак не мог до сих пор осознать открывшейся правды, что отец содержал вторую семью. Немыслимо и, сука, так больно и противно. Конечно, у нас не были такие уж близкие отношения. Как обычно, жизнь распорядится по-своему. Дела, суeta мегаполиса, все вечно заняты – и родные встречаются только по

праздникам. Это плохо, но вовсе не странно. Так сложилось и в нашей семье.

Но чтобы не знать, что между родителями бесконечная сухая пустыня, а отец завел молодую любовницу, при этом мама в курсе и позволяет, терпит ситуацию... Не замечать никаких признаков...

В общем, пришлось крепко призадуматься о нашей семье. Недостаточно иногда звонить и лайкать фотки друг друга в соцсетях. Не-дос-та-точно.

Недостаточно даже отмечать праздники вместе в тесном семейном кругу. Вспоминаю последний Новый год, сбор за городом, раздолье на столе, счастливые лица, музыка, танцы, песни под гитару, конкурсы, фейерверки и смех детей брата, даже гребаные Дед Мороз и Снегурочка...

Отец и мать в обнимку, их медленный танец у елки, действительно нужные подарки, а не какие-то для отмазки.

Что это было? Иллюзия? Обман? Сука, и ведь ничего не замечал... Ромка тоже, кажется, пребывал в неведении. Как слепые, ей-богу. Или только о себе думали и не удосужились заглянуть за фасад с виду дружной семьи?

Не сомневались, что родители – крепкая любящая пара. Я привел на праздник Илону, решив, что спустя полгода отношений пора ввести ее в круг семьи. Не то чтобы прямо собрался жениться, да и о внеземной любви речь не шла, но кое-какие мыслишки проскакивали, когда вокруг друзья и родные моего возраста плодились и размножались. Под тридцатник пора и закончить холостяцкую жизнь.

Произошедшее событие заставило пересмотреть взгляды на жизнь и направить гнев, который испытывал в отношении отца, но никак не мог на него направить, на его любовницу. На эту Таисию. Будь она неладна, чертова сука! Отбросив паспорт, встал со стула и обхватил лицо руками.

Спящая мирным сном девушка даже не подозревала, как мне хочется подойти, стиснуть ее тонкую шейку и придушить, или лучше встряхнуть из нее всю жизнь...

Но это слишком просто. Она должна испытать адские муки, отплатить за все страдания моей матери. От воспоминаний о случившемся вчера виски запульсировали болью и кулаки сжались сами собой.

Мать опять выпила лишнего. Да что там? Нажралась как свинья. Не просыхает уже две недели с тех пор, как узнала про отца. Вернее, она знала, только старалась абстрагироваться, что ли. Зачем-то держалась за искусственный брак, цеплялась за какие-то статусы и внешнее благополучие, на деле живя с мужем разными жизнями. Как соседи.

И что теперь? Пьет беспробудно, горе заливают. Как только отец выбрался из могилы, перестала его посещать и пустилась во все тяжкие.

Ей и всем нам повезло, что Сеня – почти член семьи. Такого водителя, как он, еще поискать. Он ей и перевозчик, и друг, и нянька. Мне иногда кажется, что Арсений влюблен в свою хозяйку, только чувства его бесперспективны. Она любит отца, хоть это, похоже, не взаимно.

Вчера Арсений привез ее ко мне сюда. Снова были слезы, настоящая истерика, ползание на коленях и мольбы отомстить стерве и ее матери. Я пообещал ускорить процесс взамен на заверение взять себя в руки. Мать должна понять, что опускается всё ниже и ниже. Из холеной надменной красавицы превратилась в дерганую невротичку, неуверенную в себе.

Записалась на сотню косметических процедур и пластические операции, лишь бы сделать себе апгрейд и стать моложе. Она и в самом деле выглядела на свой реальный возраст. А я и не замечал, что мама стареет, так хорошо она всегда себя подавала.

Ее внешний вид теперь вызывал дикую жалость и чувство непреходящей вины. И я обязан был отомстить за каждую секунду мучений родного человека. Она не должна страдать.

Сдерживаться рядом с любовницей отца, изображать дружелюбного простака нелегко, но так надо. Если я хочу достичь главной цели – ее абсолютного жизненного краха. И кто скажет, что она этого не заслужила?

Пусть оплатит по полной. Пусть заливается слезами и рвет на себе волосы от горя, отчаяния и стыда, пусть скорчится и мысленно сдохнет от страданий.

Уж я постараюсь обеспечить ей эти чувства. Она еще не знает, что вся ее благоустроенная жизнь в моих руках.

Она – моя послушная марионетка, и я с удовольствием подергаю за ниточки, управляя ею. Она будет выполнять все мои требования, никуда не денется, не сможет вырваться из клетки, куда загоню ее.

Лишение квартиры и мать в СИЗО – только начало, это цветочки. Она еще учится в своей консерватории, еще живет в нормальных условиях.

Несправедливо, что она вообще дышит. Но убить, опять же, слишком просто.

А вот причинить страдания – самое то. Скоро ее сладкой жизни придет конец. Сейчас, когда передо мной кабальный контракт, составленный с соблюдением всех нужных юридических тонкостей, незаметных глазу обывателя, так и чувствую, как злорадная улыбка рвется наружу.

Правда, есть одна проблема, которую сложно признать. Одна ма-а-аленькая несущественная деталь, портящая идеальную картину, мой гениальный план мести...

И эта проблема изводит, не дает спокойно спать по ночам, а днем бесконечно витает в мыслях – странное влечение к Тае, взявшееся из ниоткуда, какой-то необъяснимый интерес на уровне инстинктов. Может, и нормально – испытывать желание разгадать ее загадку, докопаться до сути – как эта странная девочка-скрипачка, не от мира сего, сумела стать такой важной для отца?

Где они познакомились? Как сошлись? Между ними же нет ничего общего. Отец никогда не посещал концерты классической музыки. Всегда был от этого далек. Я терялся в догадках.

Впрочем, без разницы, как эта тварь поймала его в свои сети. Ей не удастся то же самое проделать со мной. Воспользоваться объедками с отцовского стола, как бы ни влекло к этой девке, как бы ни хотелось попробовать вкус ее губ,

вдохнуть чистый нежный запах, погрузить руки в густую копну волосы, накрутить их на кулак... и... много еще чего...

Нет, не могу опуститься до такого, перестану себя уважать. Она – продажная шлюха с лицом ангела, пустышка, красивая кукла без души. Как бы ни желал содрать с нее длинный старомодный балахон и выяснить, что под ним прячется, должен четко следовать плану. Засунуть нелепые необъяснимые эмоции куда подальше и направить всю энергию на воплощение своих замыслов.

И если не отомщу – нет мне прощения.

Глава

5

Тая

Я не стала спрашивать, откуда Максим взял всю нужную для контракта информацию. Не приходилось удивляться, что он может достать всё что угодно. Но странным было то, что он перепутал мать и дочь. Как он мог не знать, точнее, как его мать могла не знать, кто является любовницей Николая Дмитриевича уже пять лет?

Может, это какая-то игра со стороны младшего Суворова? Устало откинувшись на подголовник, я не заметила, как задремала. Очнулась, когда машина остановилась. Здание за высоким кованым забором не походило на офис. Передо мной был явно жилой дом на несколько квартир.

Но меня это не насторожило. Я так устала, замерзла и проголодалась, что хотела только одного – побыстрее отделаться от Максима и добраться до дома, принять горячий душ и лечь спать.

Ах, и еще обязательно зайти в аптеку. Все признаки подступающей простуды были налицо. Насморк, першение в горле и болезненные спазмы в голове. Я

решила плыть по течению, лишние телодвижения причиняли боль.

– Что с тобой? Ты себя нормально чувствуешь? – Максим поддержал меня под локоть, когда я выбиралась из машины. А я и не заметила, что пошатнулась, чуть не свалившись на землю.

Внезапно напомнил о себе желудок, получивший с утра скромный завтрак в виде бутерброда с сыром. Постыдное урчание громко раздалось из моего живота.

Я попыталась слабо улыбнуться, но вышла кривая гримаса. Было и так ясно, что я далеко не в порядке. Максим снова подхватил меня на руки, и тут я отключилась, падая в беспросветную тьму.

Придя в себя, обнаружила свое побитое жизнью тело утопающим в мягких недрах дивана, меня заботливо укрыли пледом и приглушили свет. В полумраке я видела очертания квартиры, явно не офиса.

Холостяцкая берлога Максима, неожиданно уютная. Вскоре я заметила приоткрытую дверь, из-за которой струился свет, а в образовавшемся проеме – его самого, сосредоточенно печатающего что-то в ноутбуке.

Вскинув руку, я посмотрела на тоненькие часы на запястье. Мелькнула мысль, что давно надо было продать их и выручить кругленькую сумму. Такое совершенно в моем духе – носить на себе дорогую вещь, нуждаться в деньгах и не замечать, что они под самым носом!

Но это потом, а сейчас нужно убираться отсюда поскорее. Два часа ночи. Я проспала несколько часов. Монстр все-таки притащил меня в свое логово. Не в офис, как обещал, а к себе домой.

Можно было подумать, что он хочет позабавиться, надругаться, но вряд ли его привлекла сопящая простуженная девчонка с промокшими ногами. Кстати, о ногах. Осторожно пощупав подвернутую конечность, я скривилась от боли. Лодыжка распухла и явно требовала лечения.

Но ничего, потерплю. Не так уж сильно болит, жить можно. Зажмурившись от стыда, я продолжала тихонько лежать и подглядывать за Максимом.

Он расстегнул тонкую шелковую белую рубашку до середины груди, оставаясь в строгих брюках, но снял обувь и носки. Почему-то вид голых ступней показался мне более интимным зрелищем, чем если бы хозяин расхаживал в трусах.

Я обожала шелк и завидовала Максиму, зная, как это приятно, когда холодноватая легкая ткань касается твоей кожи. Отчаянно скучала по своему любимому концертному платью, вовсе не такому скромному, какие, по мнению мамы, я всегда ношу.

Сшитое из шелковых лент, оно было двусторонним. Черная и белая сторона могли сменять друг друга. Открытые руки и спина, лента, обхватывающая шею и спускающаяся до пояса двумя концами, длинный, до пола подол струящегося шелка. Оно шло мне невероятно – хоть черная сторона, хоть белая. Если Максим разрешит, я бы хотела выступить в нем.

Неужели я рассматриваю перспективу согласиться на его предложение? А есть ли у меня выход? К горлу подступил комок, и, как бы я ни пыталась сдержаться, кашель одолел меня, что неизбежно привлекло внимание Суворова.

Он быстро оказался рядом со мной, возвышаясь словно гора. В ледяном взгляде, пронизывающем насквозь, отражалось недовольство. Он явно не рассчитывал привечать в квартире больную любовницу своего отца и не скрывал досады по этому поводу. Наверняка мечтает от меня избавиться.

Тут наши желания схожи. Сама жду не дождусь, когда покину наконец его квартиру и окажусь наедине с собой. Никогда так долго не находилась рядом с мужчиной. Слишком непривычно, слишком смущает, чересчур острые контрастные эмоции сменяют друг друга и выбивают из колеи. Хочется снова в свой маленький обыденный мирок...

– Проснулась? – проворчал Максим, сложив руки на груди. – Голодная, больная, замерзшая. Если бы я тебя не подобрал, ты бы там свалилась на дороге и окоченела. Будешь должна.

– Расстроишься, если не поблагодарю? Я бы сама прекрасно добралась до дома, не заставь ты меня силой садиться в машину, – буркнула я в ответ, раздосадованная перечислением своих неприглядных сторон.

– Конечно, я великий и ужасный тиран, заставивший бедную невинную девочку, вместо того чтобы тащиться на далекую остановку, доехать до дома с комфортом!

– Мы не доехали до дома, ты зачем-то привез меня к себе, хотя обещал в офис.

– Не люблю терять время. Кто же знал, что в наш просвещенный век у кого-то может не быть интернета. Что, без денег любовника стало несладко? – с издевкой улыбнулся этот негодяй, глаза сверкнули приглушенной яростью, но она быстро исчезла.

– Не осталось времени подключать интернет, – елеиным голосом ответила я. – Приходилось ездить к матери, которую твоя упекла за решетку!

Надо было учиться излучать праведный гнев в отношении этого деяния Натальи Сергеевны – раз уж ее сын считает, что она переборщила с наказанием.

– Ну ладно, давай ты поешь, а я пока распечатаю контракт, – вдруг переключился на деловой тон Максим, потирая руки и стаскивая с меня плед. – Сама дойдешь? Бери на кухне что угодно, можешь и на меня порцию сварганить.

Я похолодела, потому что совершенно не ожидала такого поворота событий. Есть хотелось жутко. Но готовить? Что я приготовлю такого, что можно дать попробовать нормальному человеку и при этом не отравить его?

А вдруг Максим знает, что любовница его отца прекрасно готовит? Нет, это вряд ли. Вряд ли можно знать качества любовницы, но не знать ее личности.

Наверное, весь обслуживающий персонал, который имел отношение к нашей квартире, никак не касался семьи Николая Дмитриевича, либо он платил им так хорошо, чтобы держали язык за зубами.

У меня был телефон одного водителя. Того, который чаще всего подвозил меня. Что, если позвонить ему и спросить, почему у Максима и его матери такая путаница в головах? Нет, это рискованно. Лучше ничего не делать и позволить ситуации развиваться своим ходом.

Осторожно приподнявшись, я похромала в кухню, ощущая на себе пристальный взгляд Максима. Конечно, он удивлен, что отец позарился на лахудру в строгом монашеском платье. Сам он явно привык к другим девушкам – модным, стильным, идеальным.

В этом я даже не сомневалась. Заметив в себе интерес к типу Максима Суворова, безжалостно подавила его, направив остатки сил на кулинарный перформанс.

Кухня поражала своими размерами и, кажется, равнялась по площади всей нашей убогой квартирке. Сочетание хромированных деталей с мраморными панелями навевало мысли о прованском стиле. Выглядело очень по-домашнему. Интересно, кто готовит Суворову-младшему? Вряд он тут в передничке фланирует. Человек занятой, да и как-то не представляла я его на кухне.

Фотографии, прикрепленные к холодильнику магнитами, привлекли всё мое внимание. Застыв на месте, я уставилась на Максима в различных амплуа – дайвера, тусовщика, делового человека, короля вечеринок, любимца женщин, души компании...

Ему удивительно шла улыбка и преображала хмурое лицо, превращая в обаятельного мужчину, способного на добрые жесты. Но стальной блеск глаз возвращал в реальность. Глаза не обманывали. Я уже испытала на себе этот пронизывающий до ледяного трепета взгляд. Он принадлежал человеку, уверенному в собственном превосходстве. Такой мягко стелет, да жестко спат. В этом я не сомневалась и посему всегда должна держаться начеку.

Заставив себя прекратить любование, не без интереса принялась исследовать недра холодильника и многочисленных шкафов. Моей спасительницей стала мультиварка с приложенной к ней книгой рецептов. Прочитав инструкцию, я подключила аппарат, на который готова была помолиться, и начала стругать ингредиенты для мясной солянки. Это блюдо показалось мне достаточно сложным и солидным.

Еще я приготовила салат «Цезарь» – единственное, что мне всегда удавалось, поскольку я обожала изысканный вкус соуса с мясом и овощами и научилась его

готовить, чтобы наслаждаться чуть ли не каждый день.

Не знаю, зачем старалась угодить Максиму. Возможно, я восприняла предложение сварганить ужин как некое испытание, доказывающее лично мне, что я самостоятельная и не безрукая.

Слова мамы глубоко запали в душу. Отчаянно желая успеха, не обращала внимания ни на позднее время, ни на то, что Максим, скорее всего, ожидал чего-то менее грандиозного.

В итоге, когда он зашел на кухню, выглядел, мягко говоря, ошарашенным. На столе в глубокой тарелке дымилась густая ароматная солянка, рядом красовалась яркая горка салата. А чтобы дополнить комплект, я зачем-то достала бокалы и вино.

Когда дошло, как всё это выглядит, было уже поздно. Что поделать, слишком я увлекающаяся натура, забываю напрочь об окружающем мире, если погружаюсь во что-то целиком...

– М-да, – покачал головой Максим, переводя взгляд с меня на стол и обратно. – Решила испытать свои приемчики на сыне вместо отца?

Внутри всё сжалось от горького унижения. Стоило ожидать, что он испортит момент гнусным комментарием. Решительно двинувшись вперед, я хотела проскользнуть мимо и покинуть кухню, но не тут-то было. Теперь досталось моим запястьям, которые испытали на себе всю жесткость захвата мужских рук.

– Куда собралась, красавица? Сядь и ешь. Не зря же ты так старалась. Ты во всем такая старательная? – шепнул Суворов мне на ухо, и его низкий хриплый голос заставил меня содрогнуться, а потом отшатнуться. – Тогда поладим.

– Руки убери! – прошипела я, зло прищурившись и дергаясь, чтобы высвободиться.

– Да пожалуйста. Уламывать тебя вряд ли придется, сама прибежишь, – смерив меня уничижительным взглядом, пообещал Максим и нарочито медленно расцепил руки, давая мне свободу.

– Обязательно каждый раз оскорблять? – холодно поинтересовалась я, отходя к столу и резко садясь на стул. На Максима я не смотрела, решив наконец поесть. Жуткий голод скручивал желудок спазмами.

– Ты это заслужила. Не находишь? – спросил наглец с развязной улыбкой, а потом прошествовал к столу и вольготно разместился напротив меня, с наслаждением втягивая носом аромат приготовленных блюд. – Пахнет вкусно. Ценю твоё старание.

Пожав плечами, я выразила своё отношение к его комментарию. Надо обрести толстой шкурой и не реагировать так остро на обидные слова, ведь он все-таки имеет на них право, если принять тот фальшивый факт, что я соблазнила Николая Дмитриевича. Сама мысль об этом вызвала отторжение.

Он же мне как отец. А выполни он своё обещание и женись на маме, стали бы мы с Максимом братом и сестрой. Любопытная мысль вызвала на лице улыбку, которую мне не удалось скрыть.

– Чему ты улыбаешься?

– Тебе придется смириться с тем, что многие из моих мыслей останутся тайной за семью печатями.

– Лихо завернула. – Он даже присвистнул. – Всегда так заковыристо изъясняешься?

– Что в этом заковыристого? – искренне удивилась я.

– Ну хорошо. Раз ты у нас такая умница-разумница, тебе не составит труда вникнуть в тонкости контракта.

Улыбка Максима показалась мне откровенно злорадной, даже садистской, когда он, сходя за бумагами, положил их на край стола.

– Могу ли я посмотреть его дома? Уже поздно.

На дворе глубокая ночь, я устала. Неужели он хочет, чтобы я вникала в условия контракта сейчас? Головная боль и простуда никуда не делась, да и распухшей ноге нужен покой.

– На самом деле нет. С утра мы поедem в клуб на репетицию. Поэтому необходимо, чтобы ты подписала контракт сейчас.

Сцепив зубы, постаралась сдержать взорвавшийся внутри гнев. Всё слишком быстро происходило. Суворов решал за меня – не спрашивая, а приказывая. Спорить или согласиться?

Ладно, была не была, прочитаю этот чертов контракт. С содроганием приступив к знакомству с бумагами, поняла, что не могу вникнуть в строки. Нервы и сидящий напротив мужчина мешали сосредоточиться.

Но суть я выхватила. Речь шла об услугах творческого характера, предоставляемых на территории закрытого частного клуба «Инферно» в течение года. Сумма гонорара привела меня в полуобморочное состояние. Наверняка в глазах двоится или воображение добавляет несколько лишних нулей.

– Тут нет ошибки в сумме гонорара?

– А что тебя смущает? Слишком мало? Не привыкла к настолько низким расценкам?

– Я еще не продавала услуги такого характера, – с невинным видом ответила я, словно не замечая пошлых намеков и насмешливого тона. Пусть забавляется, если ему так угодно. Не позволю Суворову вывести меня на эмоции.

– Ну что? Всё прочитала? Нужны какие-то исправления?

– Я не заметила описания самого номера. Что я должна буду делать? На первый взгляд всё ясно и понятно. Но дьявол, как известно, кроется в деталях.

– Дьявол, говоришь... – протянул Максим, вставая и беря в руки бутылку вина. Отыскав штопор, он ловко откупорил ее и разлил багровый напиток по бокалам. На губах змеилась подозрительно хитрая улыбка. – Номера будут на усмотрение

менеджмента клуба. Разные.

– И кто у нас менеджмент? Не ошибусь, если это ты? – Подняв бровь, я машинально взяла бокал в руку и отхлебнула немного, так как горло иссушила жажда. Приятное тепло растеклось по небу, у вина был поистине роскошный букет.

– Даже без тоста? – насмешливо пожурил Максим. – Не только я. У меня есть партнеры, а также некто вроде творческого руководителя и подшефные ему артисты. Программа не может держаться на одной скрипачке. Я набрал лучших из лучших, а для тебя это отличный шанс заработать и прославиться.

– Я не мечтаю о славе.

– Зачем же тогда тратишь время на учебу?

– Такой вопрос может задать только непосвященный.

– Вот оно что... Так просвети меня. Мечтаешь играть в оркестре?

Как объяснить далекому от музыки человеку, что для меня значит скрипка? Это невозможно. Только приземленные люди ищут во всем выгоду, но я никогда не задумывалась ни о чем подобном.

Но рассказать о своих мечтах мужчине, который любит переворачивать фразы и искать во всем тайный смысл, использовать твои же слова против тебя, – по меньшей мере глупо.

– Да, это мой потолок, – ответила я сухо, предоставляя ему самому решать, говорю ли серьезно или с сарказмом. – Каждая скрипачка мечтает играть в оркестре.

– Тогда считай свою мечту исполненной. Благодаря мне.

С этими словами Максим подал ручку. Конечно, надо было настоять на своем и потратить больше времени на чтение договора, вникнуть во все детали, найти подводные камни, но, когда на часах пять утра, ты измучена, больна и устала,

сделаешь что угодно.

Подписывая этот контракт, я не могла избавиться от ощущения, что даю ход глобальным событиям, которые обязательно приведут к катастрофе. Делаю шаг в пропасть без страховки. Иду слепая по минному полю. Суворов лучился триумфом, будто выиграл в лотерее, получив шикарный приз. Но, несмотря на вопящие инстинкты самосохранения, я совершила эту ошибку. А за ней множество других...

Поставив все нужные подписи на злополучном контракте, я настояла на том, чтобы отправиться домой. Уверена, Максим принудил бы меня остаться у него, но под утро к нему заявила любовница. Трудно описать эмоции, которые вызвало у меня ее появление. Не знаю, почему так удивилась. Суворов-младший был как раз из таких, кому в дверь ломится толпа жаждущих его красоток.

Нежданная визитерша спокойно бы выиграла конкурс «Мисс Вселенная», с ее бесконечно длинными ногами, шикарной гривой медовых волос и модельным личиком.

Тем удивительнее была реакция Максима, явно недовольного ее приходом. Под шумок, пока эти двое бурно выясняли отношения, я быстро оделась, выскочила на улицу и помчалась в сторону остановки, где прыгнула в первое попавшееся такси, наплевав на стоимость поездки, и прохрипела свой адрес.

Внутри всё пело и ликовало, будто я сбросила тяжелые оковы. Как-то не верилось, что пара росчерков ручки может сильно изменить мою жизнь. По крайней мере, в шесть утра субботы мне совсем не думалось ни о чем жутком и серьезном. Я хотела спать и только спать.

Глава 6

Максим

Эта ночь стала нашей. Только нашей. Принадлежала нам двоим. И больше никому. Не знаю, почему так чувствовал, но ничего не мог поделать с собой.

Гребаный ад! Совершенно не те эмоции, которые я должен испытывать, приведя в дом любовницу отца ради мести. Ведь жажда ее страданий никуда не исчезла, продолжала kloкотать во мне и разливаться раскаленной лавой по венам.

И не было ни минуты, чтобы я не вспоминал о своей цели, глядя на эту фальшивую скромницу. Но, черт... Когда я на нее смотрел, каждый раз совершал роковую ошибку.

Надо бы держаться подальше, а я не смог, был не в силах отказать себе в искушении.

Как будто прыщавый подросток перед первой понравившейся ему девушкой, причем недоступной, которая проходит мимо, не бросив и взгляда на сохнувшего по ней жалкого поклонника.

Вот так и я застывал на месте, забывая обо всем и любясь Таей, ее естественной грацией, каким-то потусторонним изяществом, как у древних ведьм, привораживающих к себе с помощью колдовства.

То, как она двигала изящными музыкальными пальцами в самых обыденных жестах, как трепетали ее длинные бархатные ресницы и слегка подрагивали влажные розовые губы, как маняще она поворачивала голову или замирала в страхе или недоумении, глядя на меня своими засасывающими в темный омут глазами...

Всё это завораживало. И, черт побери, я не мог с собой совладать, хотелось ловить каждое ее движение и каждый жест, влекущий, зовущий, приманивающий...

Мысленно хлестал себя по щекам, чтобы отвлечься, чтобы стало больно, и я опомнился и перестал воспринимать ситуацию так, будто она пришла ко мне на чертово романтическое свидание и скоро наступит естественная развязка наших ночных посиделок.

Ни хрена подобного. Это деловая встреча. Точка. Не надо было поддаваться искушению и тащить ее сюда, в свою крепость. Впустив ее в свой мир, я совершил ошибку. Теперь я это ясно вижу.

Она так органично вошла в мой дом и как будто изменила его, сделав не одиноким пристанищем холостяка, где я кантовался в перерывах между работой и досугом, а вдохнула какую-то непонятную энергию в безжизненное пространство.

А такое не удавалось никому.

Это всё гребаная еда, которую она приготовила. Такая вкусная и домашняя, что захотелось съесть вслед за основным блюдом и салатом тарелку. Впрочем, я принял бы и отраву, проглотил бы и не поморщился, лишь бы из ее рук.

Вот так, наверное, и мой отец в свое время оказался привороженным. Не посмотрел на многолетний брак, а увидел и пропал. Я же презирал его за связь на стороне!

А теперь сам повторяю такой же путь. На душе мерзко, тошнит от самого себя и хочется расколошматить всё вокруг.

Все мы, мужики, одинаковые. И нет поистине верных, стоит только увидеть смазливое личико и почувствовать жгучее желание поиметь запретный плод.

Ведь будем честны, не ромашками нам хочется с бабами любоваться, не на красивый закат смотреть, хочется секса, отведать чего-то новенького и исключительного, чего раньше не пробовал.

А старое приедается, каким бы ни было восхитительным. Я думал, прошли те времена, когда прыгал от бабы к бабе, а они за мной толпами бегали, вены резали и машины из ревности поджигали. Вроде уже хотелось стабильности. Илона казалась самым подходящим вариантом, и я был уверен, что не посмотрю ни на какую другую, а вот тебе на – посмотрел.

Да еще как... И оторваться не могу. Причем выбрал самую неподходящую кандидатуру для своего пристального интереса. И что в ней такого особенного?

В чем загадка?

Может, в том, что она кажется такой невинной, такой необыкновенной. Я к таким не привык. Кукольная внешность, идеальные черты, ничего искусственного, и манящие формы под длинным балахоном, до которых так хочется добраться.

Сука... Почему она меня мучает одним лишь своим присутствием? И почему забываю обо всем, когда она заманивает на неведомую глубину своим колдовским взглядом?

Стоило только вызвать мысленно образ Илоны, чтобы напомнить себе, что я, вообще-то, почти женатый человек, как явилась она сама, собственной персоной.

Приперлась в пять утра, когда моя гостя подписывала тонкими музыкальными пальцами свой приговор, а я представлял, как она выполняет его условия, и чувствовал мрачное предвкушение. Илона пришла, очевидно, с какой-то своей тусовки. Не описать словами, что за колоритные ругательства возникли в голове, когда услышал поворот ключа в замке.

А ведь должен сказать спасибо благоверной, что нарушила мои тайные планы затащить Вознесенскую в постель. Пять утра, мы с Таей сидим за столом и распиваем вино. Никого нет, никто не помешает. О чем еще можно тут думать, кроме как не о продолжении банкета в спальне?

Мне бы радоваться, что нас прервали, но, сука, никакой радости не испытываю. Внутри дерьмо закипает и слово «облом» вопит и портит весь кайф. И хочется на ком-то сорвать злость. Илона предоставила самый лучший шанс для этого.

– Ты где всю ночь шлялась? – встретил я ее упреками, влетая в ванную, куда она отправилась в первую очередь, чтобы принять душ. – Мыться собралась, красавица?

Что-то смыть с себя хочет. Наверняка этот витавший в воздухе мерзкий смрад алкоголя и сигарет, которым пропиталась на вечеринке. Вот только изображая праведный гнев ревнивого мужа, я на самом деле никакой ревности не испытывал, хотя должен был.

Не успел я задуматься о причинах собственного равнодушия, как Илона воплотила в жизнь утверждение, что лучшая защита – это нападение. Повернулась ко мне и начала вопить во всё горло, дергаясь как параноик:

– Ты спрашиваешь, где я шлялась? Может, лучше ты расскажешь, куда исчез? Что ваша семейка вообще себе позволяет? Игнорируете меня, как какую-то шваль подзаборную. С маменькой твоей должны были встретиться в салоне красоты, два часа ее прождала, отменила все свои дела. Это она не работает, а мне пришлось отложить съемки ради нее! Так еще и трубку не берет! А потом ты – почему не пришел на вечеринку?

– Ты что, забыла? У нас отец при смерти.

– Не забыла. Но что-то я тебя не наблюдаю у смертного одра, – проницательно заметила она, начиная раздеваться. – Что у вас такое происходит? Думаешь, не чувствую, что какая-то херня творится?

Ощущение неправильности ситуации не давало покоя. Я не хотел стоять здесь и ссориться с Илоной, не хотел видеть ее голую, в то время как на кухне сидела Тая, к которой так и тянулся, как будто боялся, что она исчезнет.

Хлопок входной двери показался оглушительным во время паузы, возникнувшей в разговоре с Илоной. Она дернулась и замерла, выключив воду и прислушиваясь.

– Что это? Кто здесь у тебя? Ты не один?!

Глаза округлились, Илона выглядела обиженной и ошеломленной, совершенно сбитой с толку. Но самое интересное, что я не желал ей ничего объяснять, было всё равно, если заподозрит в измене.

Испытывал лишь досаду, что она помешала нам с Таей, и злость на последнюю, что сбежала. Без спросу. Без моего разрешения. Сделала по-своему. А я не могу сейчас догнать ее и поймать за руку, вернуть обратно.

Это дурацкое, затмевающее всё чувство, что не хочу ее отпускать, а хочу постоянно держать рядом, – оно до одури бесило. Я не должен испытывать

ничего подобного – не к ней, не к подстилке отца, не к продажной дряни.

Ненависть стянула все внутренности узлом, и я сжал кулаки, смотря на что-то кричащую Илону невидящим взглядом.

– ... какую-то бабу в нашу квартиру! Ты совсем сбрендил? Кто она такая?

Вылетев из ванной, Илона бросилась к окну, выходящему во двор, чтобы высмотреть Таю, я поспешил следом, потому что тоже хотел узнать, куда ушла эта полоумная. Но мы ничего не увидели.

– Послушай, – проговорил я спокойно, падая на стул и потирая небритый подбородок ладонью. Внезапно навалилась усталость, напряжение начало уходить из оцепеневшего тела. – Банальная фраза, но скажу как есть: это не то, что ты думаешь. Если я захочу изменить, ты даже не узнаешь. А та девушка, что была у меня, она мне никто. Подчиненная из клуба.

– Подчиненная в пять утра? Еще и застолье! С вином! – взвизгнула Илона, обхватывая острые локти худыми руками, и я вдруг обратил внимание, какая она изможденная, тощая.

Ни груди, ни округлых форм, резкие скулы и тонкие ноги-палочки. Короткая юбчонка едва держится на выпирающих костях бедер, а живот аж впал, как будто она пленная концлагеря. Когда-то мне казалось это вполне нормальным, не замечал болезненной худобы, а сейчас задумался о том, сможет ли она родить мне ребенка...

– Не придумывай лишнего. Лучше скажи, ты вообще ела сегодня?

– Что за вопросы?

– Я хочу, чтобы моя будущая жена не становилась заложницей навязанных стандартов красоты.

– Же... жена?! Ты о чем, Суворов?! – пораженно прошептала Илона, сразу же позабыв о предмете нашего спора, и осторожно присела на краешек стула, заглянула мне в глаза и горько усмехнулась: – Не такого я ждала предложения,

да и не думала о браке, честно говоря. Меня как бы... Всё и сейчас устраивает. Зачем нам сложности?

– Сложности? Ты так это называешь?

– Пойми, Макс, я еще слишком молода, карьера в разгаре. Мне и в голову не приходило, что ты о чем-то подобном думаешь. С чего ты вдруг решил жениться? Это очень неожиданно... Да и ты, наверное, о детях мечтаешь, а я не готова, понимаешь?

Она начала растерянно ковыряться в салате, тщательно прожевала несколько кусочков, запила вином и, поцеловав меня в щеку, ушла-таки в ванную. Проблеваться, как водится. Долбанные модели, даже поесть нормально не могут.

А я сидел и смотрел во тьму за окном, куда рвалась душа, куда ушла Тая, и думал, где я ошибся в жизни, и почему женщина, с которой живу, не хочет замуж, не хочет детей, а та, кого должен ненавидеть, вызывает такую бурю чувств. Хаос какой-то, самый настоящий.

Хаос. Вот во что превратилась моя жизнь в последние несколько недель. И это при том, что всегда старался придерживаться порядка. Незыблемого, ничем не нарушаемого. Так повелось с детства, так меня воспитывал отец.

И я, поначалу сопротивляющийся, как обычный пубертатный подросток, диктату главы семьи, в итоге усвоил втираемые мне догмы. Мне и моему старшему брату, который, надо сказать, относился к давлению на себя более благосклонно.

Разные мы с ним были.

Он покладистый, вдумчивый и спокойный, я же отличался резкостью принятия решений, склонностью бунтовать и идти наперекор, а ещё авантюризмом на грани злого хулиганства. Эти свойства личности я не сам так обозначил. В детской комнате полиции их доводили до сведения моих обеспокоенных родителей. Психологи доводили, к которым меня таскали.

Но попытки найти корни моего асоциального поведения в семейной обстановке не заканчивались ничем. Ибо семья-то была идеальная, достойная, приличная.

А я... Ну что поделаться, такой вот бракованный родился. Паршивая овца. В семье не без урода. Не знаю уж, что помогло, как я не оказался на нарах и как не разругался с предками в пух и прах, только, добавив им изрядную долю седых волос, резко повзрослел и обнаружил область, в которой можно с пользой применять свои способности. Отсутствие страха перед риском позволило затевать различные спорные предприятия и успешно воплощать задумки в реальность.

Отец на первых порах даже поддерживал – морально и финансово, явно довольный тем, что его сын не пошел-таки по кривой дорожке, а занялся бизнесом, не впутался в криминал и не загремел в тюрьму.

Хоть направление этого бизнеса отец находил несерьезным, рискованным и не имеющим никаких перспектив. Отец любил стабильность и нашел для себя весьма подходящую нишу – рынок недвижимости.

Что до меня, то данная отрасль казалась скучной и однообразной, не то что клубы, музыкальные лейблы, модельные агентства, фотостудии... Движуха, активные знакомства, постоянный драйв. Не без нервов, не буду врать.

Но я истинно наслаждался, когда варился во всем этом. Даже когда возвращался в свой холостяцкий лофт выжатый как лимон, когда доводили до трясучки какие-нибудь борзые типы или надоедали смазливые модельки. Даже тогда я не жалел, что сделал такой выбор.

Мне нравилась моя жизнь, но вот чего-то не хватало. Того, что и словами-то толком не обозначить, какая-то смутная потребность в близком человеке рядом, который поддержит, подскажет, который и в горе и радости, и так, чтобы на всю жизнь. Не близкий друг, а именно нужная, та самая единственная женщина.

Но это не Илона, вовсе не она. Тем более что сама не хочет замуж. А у меня на ее категорическое «нет» никаких эмоций, просто пустота – и ее ничем не заполнить.

И вот я встречаю девушку, из-за которой сердце бьется чаще и которую хочу до дрожи в теле, хочу до зуда в руках сжать в своих объятиях и целовать, пока не задохнусь.

И в то же время мечтаю унижить и оскорбить, довести до ручки и заставить мучиться. И от этих контрастных эмоций болтает, как на американских горках, несет куда-то в неизвестном направлении...

Мне нужен контроль и четкий план. Мне нужно держать себя в руках и не сдвигаться с намеченного маршрута. Поэтому, вместо того чтобы броситься искать Таю, я встаю и расстегиваю рубашку, стаскиваю с себя брюки и иду в душ, где плещется моя девушка.

Там молча прижимаю ее к стене лицом, привычно хватаюсь за бедра и начинаю вбиваться в поначалу сухое влагалище, поражаясь безэмоциональности и техничности процесса, то и дело спрашивая себя – сука, прямо во время секса веду мысленный монолог, – а может ли быть иначе?

И понимаю, что больше всего на свете хочу это проверить с Таей... И от горького осознания собственной повернутости даже не могу кончить, выхожу из Илоны и оправдываюсь усталостью.

Ей кажется, фиолетово. Мне – тем более.

А потом иду спать, надеясь, что наваждение вскоре пройдет и жизнь потечет привычным чередом. Засыпаю с мыслями о том, что надо прийти в себя.

Вот только сразу после пробуждения хватаюсь за телефон, чтобы набрать номер Таи...

Глава 7

Тая

Разбудил меня телефон. Не желая брать трубку, я сбросила звонок, но настойчивый абонент снова и снова атаковал, вынудив с досадой ответить чуть более грубо, чем требовалось:

– Да! Кто это?

Вкрадчивый тягучий голос Суворова заставил сесть и разлепить сонные глаза.

– Ты собралась? Я заеду через полчаса.

– Соб-б-ралась? Куда собралась? Какие полчаса? А сколько времени?

– Уже вечер, шестнадцать тридцать. Ты что, спала? Что с голосом? Совсем хриплый.

– Кажется, я разболелась, – просипела я, проклиная усталость, из-за которой уснула без задних ног и позволила вирусу одолеть меня. Аптека? О ней я даже не вспомнила.

– Сейчас приеду, – прозвучало в ухо излишне резко, а затем слышались короткие гудки.

– Куда приедешь? Зачем? – чуть ли не завопила я, а потом вскочила с постели, начав лихорадочно приводить себя в порядок. Пулей залетела в душ, предварительно нацепив резиновую шапочку, – если вымою сейчас голову, до ночи волосы не высушу, – быстро ополоснулась под едва теплой водой, растерлась полотенцем и нацепила первую попавшуюся одежду из старого подросткового гардероба, который, о чудо, был мне впору.

Какие-то нелепые джинсы, тонкий голубой свитерок. Сапоги, к счастью, уже просохли, пальто – тоже. Я стащила резиновую шапочку с головы и распустила свою длинную гриву, уставившись в зеркало.

Чучело, настоящее чучело.

Ненависть пустила внутри корни. Ненависть к Максиму, заставившему меня почувствовать себя неряшливой и неухоженной. Терпеть не могу спешку перед

выходом в люди. Будь я дома, перебрала бы кучу нарядов, сделала бы искусный, едва заметный макияж, красивую прическу. А что я могу сейчас, когда назойливый Суворов чуть ли не на пороге?

Я совершенно не готова к репетициям. Простуда, больная нога, в целом плохое самочувствие. Но какое ему дело? Потащит меня в этот пафосный клуб с inferнальным названием. Наверняка накувыркался со своей безмозглой любовницей с порядковым номером, довольный, здоровый, с бьющей через край энергией. Не то что я, вялая рыбина, выброшенная на берег.

Неожиданно перед внутренним взором всплыла картинка в красках, как Суворов и его девка сплетаются в любовной схватке на черных шелковых простынях. Он наверняка неутомим, а его моделька без малейшего стеснения оглашает стонами квартиру и царапает ему спину своими длинными ногтями. Почему-то представлять всё это было крайне неприятно, меня даже затошнило...

Распсиховавшись, довела себя до предела и решила отвлечься игрой на скрипке. Она всегда успокаивала. Играя, я изливала обуревающие меня чувства, мы с инструментом становились единым целым.

Когда так паршиво и грустно, только волшебные звуки музыки могут восстановить душевное равновесие. Не знаю, сколько времени прошло, я потерялась в своих ощущениях, позабыла обо всем, водя смычком по струнам, пока не услышала барабнящий настойчивый стук в дверь.

– Почему не открываешь с первого звонка? – в квартиру влетел Суворов, черной фурией проносясь по комнатам. Сгорая от стыда за убогость квартиры и царящий в ней хаос, молча ждала, пока он переберется. Глянув на смычок и скрипку в моих руках, он указал на лежащий на столе футляр и велел:

– Укладывай пиликалку и поехали.

Потом, заметив, в каком я виде, досадливо сморщил свой аристократический нос.

– Поприличнее наряда малолетки ничего нет?

– Все мои вещи остались в прежней квартире, – едва сдерживая ярость, довела я до его сведения.

– Сколько времени тебе нужно будет на сборы, если мы туда заедем? – поинтересовался он, поглядывая на часы.

– Ты куда-то торопишься? – спросила я, аккуратно укладывая инструмент в футляр. В квартире было так сыро, что я боялась, как бы он не испортился. Свои болезни мне нипочем, а вот за родную скрипку душа болит.

– Да, сегодня сбор вашей труппы. Знакомство, оглашение репертуара и прочая байда. Кстати, держи лекарства, – сунул он мне в руки объемный пакет со всяческими препаратами от простуды, а также эластичным бинтом для распухшей лодыжки. Надо же, какой заботливый у меня наниматель. Кто бы мог подумать.

Но это внимание досаждало мне. С Максимом было тяжело общаться, я никогда не встречала таких ярких людей, которые завладевали всем окружающим пространством, диктуя свои правила.

Не привыкла, чтобы мне приказывали, упрекали в чем-то или с пренебрежением относились к моей персоне или внешнему виду.

– Спасибо, – процедила я, выталкивая из себя благодарность с большим трудом. Я не знала, как поступить. Желание привести себя в порядок боролось во мне с нежеланием попадать в прежний мир, коснуться его мельком и снова вернуться обратно, в серость теперешнего существования. Впрочем, Суворов не оставил выбора.

– Мне понадобится час, – сообщила я ему, и мы отправились на квартиру.

Вид привычной обстановки, брошенной в обыденной спешке, когда мы с мамой отправлялись на работу и консерваторию, вызвал непрошенные слезы. Всё лежало точно так, как мы и оставили. Только кто-то убрал скоропортящиеся продукты, выбросил мусор и даже, о чудо, пока мы тут не жили, кормил наших несчастных покинутых рыбок.

Но воду в аквариуме пора было менять, а я и этого не умела, только могла определить по внешнему виду, что пора приниматься за очистку. Простите, милые рыбки, но сейчас не до вас. Благодарите Суворовых за всё хорошее...

Увидев, что я застыла возле аквариума, вышеупомянутая персона покашливанием напомнила о себе и о том, что нужно торопиться. Метнув на него убийственный взгляд, я начала собираться.

Максим разрешил мне взять несколько необходимых вещей, косметику, книги, в общем, всё, что захочу, и я от восторга чуть не станцевала на месте.

Радость портили только усиливающиеся симптомы болезни. Я пыталась вспомнить, как меня лечила мама, и не знала, что именно выбрать из того вороха лекарств, что принес Суворов.

Наверное, почувствовав мою нервозность, он сказал, что будет ждать в машине. Его телефон разрывался от рабочих звонков, и он отвечал четко, быстро и по-деловому. Но иногда занятно мурлыкал в трубку, и почему-то я усиленно прислушивалась, сгорая от любопытства и желая услышать ласковые словечки и имя той, с кем он так нежно и мило обращался.

Мне подобного счастья не перепало. Приказы, упреки, оскорбления – для меня он припас именно такой боевой арсенал, загоняющий в клетку неуверенности, страхов и сомнений.

Быстро ознакомившись с инструкциями, я решила принять кучу лекарств одновременно. Наверное, они подействует на организм убойно и избавят меня от всех вирусов за раз. Горячий лимонный напиток, таблетка от головы, спрей в горло, спрей в нос, сироп от кашля, витамины на всякий пожарный...

Кое-как перевязала ногу эластичным бинтом, и боль унялась. У меня осталось совсем мало времени на то, чтобы прилично одеться. Поэтому я схватила первое попавшееся платье с вешалки из череды похожих друг на друга – темно-серое шерстяное с круглым вырезом и длиной до пола.

Суворов точно будет недоволен, но это его проблемы. Взяв в руки несколько набитых вещами пакетов, с тоской оглядела милую душе квартиру и побрела к машине.

Максим поджидал меня возле нее и откровенным взглядом заскользил по лицу, волосам и фигуре, скрытой объемным пальто. От его нескромных разглядываний я жутко покраснела и застыла как столб, вдруг осознав, что какое-то непривычное упрямство заставило меня накрасить губы и ресницы в отчаянной попытке в кои-то веки понравиться этому придирчивому оценщику.

Но он сохранял молчание и невозмутимость, небрежно побросав мои пакеты в багажник и усевшись на переднее сиденье. Джентльменского обращения вроде того, когда мужчина предусмотрительно открывает девушке дверь, я, естественно, не дождалась.

У меня никогда не было парня, но иногда к моей скромной персоне проявляли внимание молодые люди – одноклассники или какие-то знакомые. Но никто из них не был по

хож на беспардонного и властного Суворова. Что странно, на его фоне они смотрелись незапоминающейся серой массой, тогда как Максим... Он выделялся, как выделяются все имеющие особую харизму люди. Несмотря на ненависть, я признавала это.

Да и ненависть ли я к нему испытывала? Скорее непонимание, страх, но и непрощенное желание понравиться этому человеку и приблизиться к нему. Наверное, это обычный инстинкт – слабый подчиняется сильному, и всё такое. Но на то мы и люди, а не дикие животные, чтобы бороться с примитивными инстинктами. Надо держать себя в руках и не стремиться угождать во всем высокомерному хаму.

Украдкой бросая на него взгляды, недоумевала, почему он хмурится и молчит. Проблемы в раю? Неужели непробиваемую шкуру Суворова продырявила стрела Амура? Нужно что-то делать с этим неумным интересом к деталям жизни моего нанимателя...

Он не имеет ко мне никакого отношения. Наверняка привезет в клуб и больше мы не увидимся. Он и так слишком много времени возился со мной, чтобы подписала контракт.

Почему-то, представив, что долго с ним не встречусь, ощутила не облегчение, а странную тоску. Словно у меня отобрали источник света и оставили в полумраке. Я не планировала испытывать чувства, какие бы ни было, к сыну Николая Дмитриевича. Так откуда они взялись?

Мы совершенно не подходим друг к другу. Он богатый красивый мажор, а я бедная скромная скрипачка. Невзрачная серая мышь. Он свободный и раскрепощенный, а я зажатая и во многом странная.

Да, так меня часто и называли за глаза – странная. Думая, что я не узнаю. Я с этим смирилась, ведь не обязана была сливаться с общей массой. Каждый человек уникален по-своему. Не переделывать же себя, в самом деле. Не становиться же похожей на кого-то другого, обманывая свое истинное «я». Зачем? Мне и так было хорошо.

Да, было... Пока не встретила Суворова и не захотела чуточку приблизиться к его привычному женскому типу, стать моднее, красивее, ярче... Глупо, очень глупо. Нельзя даже задумываться о подобном. Он не для меня, а я – не для него.

Глава 8

Тая

– Почему «Инферно»? – спросила я по дороге в клуб, чтобы разрядить обстановку, которая буквально наэлектризовалась и стала невыносимой. Тишина угнетала, напряженная атмосфера в салоне душила. В то же время сидящий рядом мужчина, кажется, ничего подобного не ощущал...

Интересно, Суворов всегда такой молчун или только меня не хочет удостаивать вниманием? Задумался и вперил взгляд в серую ленту шоссе, совершенно забыв, что я нахожусь рядом. Это странно задевало.

Мне пришлось побороть гордость, чтобы первой начать разговор, но почему-то не могу выносить молчания между нами, хотя раньше меня подобные моменты совершенно не беспокоили.

В общении с другими людьми хватало собственных мыслей, чтобы не скучать. Отчего же постоянно добиваюсь какого-то отклика со стороны мужчины, который меня ненавидит? Наверное, я латентная мазохистка... Или это он такой особенный?

– Не я один выбирал название, – коротко отозвался Максим, бросив на меня странный взгляд, будто смотрит на диковинное животное.

Что такого? Это всего лишь попытка поддержать светский разговор. Не осмеливаясь выпытывать подробности, уже решила довольствоваться кинутой мне костью в виде отговорки, но Суворов вдруг пустился в разглагольствования:

– Название должно отражать суть заведения. Надо было подобрать броское и привлекающее внимание, в то же время понятное и знакомое. Инферно – это ад, преисподняя. Верующий или атеист – каждый имеет свои представления об аде, чертях, дьяволе. Всё темное и порочное издавна влечет людей. Оно близко их скрытой сути, отвечает глубинным порывам. Мы решили, что это хороший кич с налетом претенциозности и вызова. Люди захотят почувствовать себя причастными. Если конкретно, то уже сейчас распроданы все билеты на открытие, не считая тех, которые вручали бесплатно нужным лицам.

– Вы серьезно подошли к делу, – мне не удалось скрыть удивления в голосе. Отец Максима всегда считал, что младший сын занимается какой-то опасной ерундой, поэтому я не ожидала от него такого взвешенного и серьезного подхода к делу.

– Мы всегда так поступаем.

– А кто это – мы?

– У меня два партнера, Гриха и Жека, мы со школы дружим. У каждого своя зона ответственности. Жека у нас в основном по финансам, налогам, шарит в этом деле. С инстанциями тоже он работает. Гриха – творческий гений, он, по сути, всё и придумывает, занимается поиском новых направлений и развитием старых, ну а я по персоналу, связям с общественностью и юридическому аспекту. Спасибо отцу, что впихнул на юрфак в свое время. Еще есть Алина, жена Жеки, она дизайном занимается. Это если вкратце. На самом деле помимо своего блока каждый отвечает за множество вопросов. Пашем нон-стоп. Отдыхать и

прохлаждаться нам некогда.

По мере того как я ближе знакомилась с бизнесом Суворова-младшего, невольно проникалась уважением. Ведь я-то считала, что он развлекается с намерением позлить отца. Даже стало стыдно, что задержала процесс трудоустройства из-за отсутствия интернета.

Максиму пришлось работать допоздна. Потом еще вызванивать меня, провалившуюся в сон и наплевавшую на всё на свете, покупать мне таблетки, выступать в роли личного водителя. Зачем он со мной возится? Неужели в городе мало скрипачек, готовых работать в этом претенциозном клубе?

– Извини, что опаздываем из-за меня. Наверное, нас уже заждались.

Пора мне становиться взрослой и отвечать за свои поступки, раз уж решила работать. Я должна показать себя с наилучшей стороны. Она у меня в принципе единственная – музыкальный талант невозможно отрицать, упорства тоже хватает. А вот в остальном я полный и безнадежный профан.

Но надо не показывать этого, притвориться человеком, которому не в новинку принимать деловые предложения. Не хлопать от удивления глазами и смело отвечать на поставленные вопросы, а не мямлить, как я делаю в последнее время.

– Придется отработать это опоздание и заплатить за то, что я тебя лично привез, – с ухмылкой заметил Максим, въезжая в бесшумно раскрывшиеся перед нами кованые ворота зловещего вида. Я не успела спросить, что значат его слова, оторопев от представшей передо мной картины.

Двухэтажное здание клуба было абсолютно черным, явно выкрашенным намеренно, чтобы усилить контраст с красными светящимися буквами, образующими название. Наверное, когда-то здесь было идеальное место для загородного досуга – добротный дом из светлого кирпича, окруженный высоким неприступным забором, небольшим пруд, сад с плодовыми деревьями.

Но потом с хозяином что-то случилось, и Суворов с друзьями завладели его собственностью и превратили ее в мрачное готическое место, воссоздав соответствующий антураж.

При виде черного дома внутри рождалось ощущение, что попал в другую реальность и находишься точно не в России, а на территории, где царят анархия и порок. Где могут напугать до чертиков и отобрать чувство собственного достоинства. Ведь если работаешь в таком заведении, ты точно не невинный ангел с крылышками.

Пока я предавалась этим мыслям, Суворов обошел вокруг машину и забрал из багажника мои вещи, вручил мне футляр со скрипкой, а потом повел внутрь пугающего клуба. Как я и предполагала, интерьер «Инферно» демонстрировал подобие готического стиля, смешение красного и черного, изобиловал символами ада.

Невольно на ум стали приходить мелодии, способные отразить атмосферу этого места. Я начала мысленно водить смычком по струнам, создавая музыкальное оформление клуба. Но вскоре пришлось отвлечься от бесполезного занятия.

Мы вошли в огромный зал, заставленный уютными кожаными диванчиками и продолговатыми столиками – местами для гостей. Стены были обиты красным бархатом и дополнены ажурными светильниками, также я заметила тематические репродукции, жуткие и страшные изображения ада и его обитателей.

Меня передернуло, но я не могла не признать, что все целиком, в том числе огромная вычурная хрустальная люстра на потолке, действовали завораживающе и гипнотически. Отсюда не хотелось сбежать. Скорее рассмотреть антураж клуба.

А еще я почувствовала интерес. Если даже при отсутствии гостей клуб выглядит подобным образом, что же произойдет, когда он наполнится посетителями? И, самое главное, в чем же заключается моя роль?

В черно-красном зале находилось множество людей. Царил настоящий хаос, монотонный галдеж не позволял вникнуть в детали разговоров. Кто-то сидел за столом, обложенный документами, фотографиями и различными гаджетами – от планшетов до ноутбуков. Кто-то снимал на камеру люстру и страшные

репродукции.

Кипела подготовительная работа. Вдоль столов сновали официанты, то принося, то унося многочисленные чашки и тарелки с закусками. Рабочие возились с проводкой.

На невысокой сцене мое внимание привлекли музыканты во главе с пухлым лысоватым немолодым человеком, постоянно размахивающим руками и что-то истошно кричавшим. Были здесь и бездельничающие, по крайней мере на первый взгляд, сногшибательные красотки модельной внешности во фривольных нарядах, которые чинно попивали коктейли и глядели свысока на творящееся вокруг безобразие.

Среди всех весьма странно смотрелась красивая блондинка с раскосыми глазами и огромным животом, который, однако, не мешал ей бодро перемещаться между столами и принимать участие в дискуссиях.

Поймав мой заинтересованный взгляд, Максим пояснил:

– Это Алина, жена Жеки. Я тебе о ней рассказывал. Она отвечает за дизайн интерьера и за всё остальное понемногу. На последнем месяце, но никак не успокоится. Ей надо обязательно контролировать процесс.

Было сложно не заметить восхищение и во взгляде, и в голосе Суворова, и меня кольнуло странное чувство, словно обида смешалась со злостью. Неужели я ревную? Да нет, бред какой-то. Но хотелось докопаться до сути – хвалит ли он Алину или ее профессиональные качества? А еще интересно, не навредит ли ребенку то, какой мрачный антураж создает его будущая мамочка в этом месте? Насколько я знаю, все эмоции матери передаются плоду. Впрочем, не мое дело.

– А что за девушки сидят за тем столом? – полюбопытствовала я.

– Это представители нашей фокус-группы. Они оценивают клуб до прихода настоящих посетителей и дают свои рекомендации, – объяснил Максим. – Девушки – завсегдатаи подобных мест, поэтому их советы очень ценны.

Поначалу нас не замечали, но потом девушки-бездельницы, как я их окрестила, вытаращили на меня глаза, наверняка удивляясь, что такая замухрышка делает рядом с хозяином клуба. Показалось, что они пустили в меня стрелы ненависти, их колючие злобные взгляды жалили.

Так вот что имел в виду Максим. Мне придется отплатить за его личное участие в моей судьбе – меня сразу же невзлюбили лишь за то, что узурпировала завидную добычу.

А что Суворов – вожаемая добыча для этих красоток, я не сомневалась. Такие девушки живут только одной целью. Заграбастать себе богатого представительного мужчину. И неважно, какого он возраста, красив ли он. Они готовы продавать себя любому, лишь бы обеспечивал им безбедную роскошную жизнь. А Суворов сочетает в себе и красоту, и богатство. Их влечет это всё, как мотыльков пламя.

Приняв соблазнительные позы, девушки помахали Максиму, но он не обратил на них внимания, начав свой поход от стола к столу. Мне пришлось семенить следом и пытаться запоминать, кто есть кто.

Партнеры, консультанты, финансовые работники... какой-то именитый шеф-повар, представитель клининговой фирмы... Голова кружилась от обилия имен, и я с трудом запоминала присутствующих. Наконец мы столкнулись с беременной Алиной, они с Суворовым тепло расцеловались, и он коротко представил меня:

– Таисия, скрипачка. Я тебе о ней рассказывал.

Пробежавшись по мне заинтересованным взглядом с макушки до пят, Алина, к ее чести, не изменилась в лице, а попросту улыбнулась и даже пошутила:

– А я Алина. Дизайнер этого злчного заведения и по совместительству жена одного из демонов «Инферно».

– Если Саранский – демон, то ты –демоница, а внутри тебя растет маленький демоненок, – рассмеялся Максим.

– Он и правда демоненок, толкается за троих.

Шутливые подначивания в таком духе продолжались некоторое время, а я чувствовала себя лишней, вынужденная слушать беседу давно знакомых людей с упоминанием неизвестных мне личностей и фактов.

Долго я еще буду ходить приклеенная к Суворову? Не терпелось присоединиться к родной среде, к музыкантам. Тем более на сцене я с удивлением обнаружила представителей своей консерватории, учащихся старших курсов. Мы с ними не общались, только изредка пересекались на отчетных концертах или в буфете, но их присутствие придало мне уверенности.

Значит, в этот клуб действительно приглашены музыканты и всё серьезно, деловому, а не то, что я себе напридумывала. С души словно упал тяжелый камень, и стало даже легче дышать.

Теперь я верила в благородные намерения Максима, и не терпелось отплатить ему качественной работой за доброту. Я уже нарисовала себе счастливое будущее. И в первую очередь я видела маму на свободе.

Оживленные голоса ворвались в мои мысли. На сцене ругались так отчаянно, что Алина с Максимом прервали разговор и поспешили туда.

– Что происходит? Семёнова, я тебя спрашиваю? Что с тобой такое сегодня? Не выпалась или забыла, как двигать смычком? Ты что, бревно пилишь?! – орало во всё горло пухлое недоразумение в красном жилете и белой рубашке с бабочкой. От натуги он даже приседал, а жидкие волосенки топорщились во все стороны.

Измученные очевидно долгой и тяжелой репетицией, музыканты волком смотрели на него. Я насчитала десятерых, трое девушек были мне знакомы, как и двое парней. Остальных я никогда не встречала. Обруганная Семёнова Светлана, четверокурсница-альтистка, уныло смотрела в пол. От сцены веяло откровенно удручающей атмосферой.

– Что-то не так, Альберт Романович? – деловым тоном поинтересовался Максим, скрестив руки на груди и смотря на пожилого коротышку сверху вниз.

– А, Максим Николаевич, – залебезил пухлый, потирая ручонки с пальцами-сосисками и заискивающе заглядывая в глаза боссу. – Здравствуйте, уважаемый, здравствуйте. Да вот, мотают мне нервы некоторые, не выучили партию,

фальшивят. Но мы всё успеем отполировать к открытию, вы не беспокойтесь. Это наша скрипачка, я верно понимаю? А мы вас, милочка, жаждали. Что ж вы опаздываете? Ну-с, не будем терять времени попусту. Доставайте инструмент и вливайтесь.

Закончив тираду, он подобострастно улыбнулся Максиму и стал ждать чего-то с видом собаки, обожающей своего хозяина и желающей получить у него лакомства за старания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yana-nevinnaya_/nedotroga

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)